

латыни, но это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение. Языковые границы в конце X в. не были непроходимыми: аналогичное явление видим в эпоху Добровского и Коллара. Многие произведения периода чешского национального возрождения были написаны по-немецки или по-латыни. Можно привести и древнюю аналогию: так называемая «Болгарская легенда» сохранилась не в старославянском оригинале, а только в греческой обработке Феофилакта.

Совершенно бесспорны горячие славянские симпатии Кристиана, равно как и его осведомленность о славянстве. Естественно, что его сочинение нашло широкий отклик в Сазавском монастыре, а затем уже косвенным образом в Киевской Руси. Кристиан является одним из первых и значительнейших славянских идеологов раннего средневековья. Его труд — главное свидетельство славянского пафоса эпохи Войтеха. Ему принадлежит почетное место в ряду писателей от Илариона до Нестора. Кристиан представляет собой необходимое звено в цепи развития, ведущего от Жития Константина к ПВЛ начала XII в.; без него не обойтись при изучении генезиса «Сказания о преложении книг». Трудом Кристиана нельзя пренебречь: об этом, между прочим, свидетельствует постоянная путаница в специальной литературе. Настало время, чтобы реальный труд Кристиана занял место призрачного «старославянского Privilegium», возникшего будто бы около 900 г., и других столь же химерических конструкций.

Было бы важно установить, когда в перечень стран, употребляющих славянское письмо и включающих Болгарию («in Bulgariis»), была включена Русь («в Руси»). Возможно, конечно, что сообщение о Руси прибавил только русский редактор ПВЛ, но также не исключено, что оно было уже в сазавской обработке Кирилло-Мефодиевской легенды, т. е. в источнике «Сказания о преложении книг». Примерно в то же время возникла поддельная булла папы Иоанна, приведенная в Хронике Козьмы. В этой подделке фигурируют те же две страны — Болгария и Русь. Если о Руси знали противники славянского богослужения, то тем более о ней были информированы славянские монахи Сазавского монастыря. Проблему отношений «Сказания о преложении книг» и его сазавского источника нельзя решить окончательно, по крайней мере в настоящее время. Однако от XI в. сохранилось довольно значительное число памятников. В этой области перед славянской филологией стоит много исследовательских задач и возможностей.
